

После долгого-долгого молчания Лу Пин, глядя на удаляющуюся спину иностранного гостя, растерянно произнёс:

- Я ведь сдал четвёртый уровень английского. Почему я ничего не понял из его слов?

Ван Цюань вторил ему с таким же недоумением:

- Да, я тоже не разобрал.

Лу Пин нахмурился:

- «Beauty's boyfriend» - это же значит «бойфренд Гугу», верно?

- Ну да, - кивнул Ван Цюань. - Именно так.

- Тогда...

Они синхронно уставились на Гу Цзицина.

Тот сохранял спокойствие:

- Вчера тот человек хотел меня пригласить. Чжоу Цыбай помог мне отказаться, сказав, что я его парень.

Звучало логично, да и выражение лица было искренним.

- Но тогда как объяснить следы от укусов на ваших шеях?

Взгляды снова синхронно переместились на Чжоу Цыбая.

Тот, осознав суть вопроса, решил, что Гу Цзицин просто не хочет, чтобы их считали парой. Признаться в «дружеских отношениях» тоже нельзя - репутация Гу пострадает.

Не раздумывая, он выпалил:

- Британец не поверил, потребовал доказательств. Мы же не можем целоваться! Вот и укусили друг друга. Всё просто.

Сказав это с покрасневшими ушами и ледяным выражением лица, он погрузил комнату в новое молчание.

Ся Цяо и Шэнь Чжао, готовые помочь, но потерявшие дар речи: «...»

Гу Цзицин, понявший, что Чжоу врёт как сивый мерин: «...»

Лу Пин и Ван Цюань, потрясённые абсурдностью ответа: «...»

Наконец Лу Пин взорвался:

- Чжоу Цыбай! Ты что, считаешь меня идиотом?!

Чжоу мысленно извинился, но твёрдо стоял на своём:

- Зачем мне врать? Спросите самого британца!

- Да дело не в том, верю я или нет! Ты сам-то веришь в эту чушь?!

Лу Пин чувствовал себя обманутым, но Ся Цяо вдруг хлопнул себя по лбу:

- Точно! Вчера я видел, как Чжоу защищал Гу, а тот британец лежал под Чжоу Сяююэ. Следы от зубов уже были! Спросите у хозяйки!

Каждое слово было правдой – усомниться невозможно.

Лу Пин: «???»

- Свидетель ещё нашелся?!

Он обернулся к Гу Цзицину. Тот сидел на полу, обняв Чжоу Сяююэ, и смотрел ясным, невинным взглядом. Тёплый свет подчёркивал его безмятежность, словно любое подозрение стало бы кощунством.

Лу Пин: «...»

Неужели он всё выдумал?

- Но что-то тут не так... - начал он, но Ся Цяо перебил:

- Вы хотели, чтобы они помирились! Теперь помирились – вы опять недовольны? Хотите, чтобы они снова враждовали?!

- Я никогда такого не хотел!

Ся Цяо схватил его за руку:

- Хватит! Пойдёмте готовить. Кто голоден – сам себе нарежет!

Толпа хлынула на кухню. Лу Пин и Ван Цюань, с морковью во рту, всё же выкрикнули:

- Гугу, вы правда не встречаетесь?!

Гу Цзицин, промывая помидорки, ответил мягко:

- Нет.

Его тон не оставлял сомнений. Лу Пин и Ван Цюань смирились, но в душе сомнения остались.

Чжоу Цыбай же волновался только об одном: не расстроил ли он Гу Цзицина. Тот, однако, спокойно мыл овощи, будто ничего не произошло.

- Ты вчера не выспался. Иди отдохни, – шепнул Чжоу, разделявая рёбрышки.

Гу Цзицин не поднял головы:

- А если Лу Пин снова что-то заподозрит?

Чжоу взглянул в сторону: Лу Пин и Ван Цюань пристально следили за ними, будто говоря: «Мы вас видим!»

- Тогда просто мой помидоры. Остальное я сделаю.

Гу Цзицин растянул процесс на полчаса. Чжоу, демонстрируя «мужскую мощь», лихо управлялся с двумя конфорками, эффектно подбрасывая еду на сковороде.

Ся Цяо фыркнул Шэнь Чжао:

- Он всегда такой павлин?
- Только в брачный период, - усмехнулся тот.

Чжоу, не подозревая о своей «брачной лихорадке», упорно скрывал чувства, боясь давления на Гу. За ужином он сел напротив, но не удержался:

- Не ешь одно мясо. Вот овощи.
- Для зрения.
- Белок.
- Иммунитет.

Ся Цяо стукнул палочками:

- Может, поменяемся местами?

Чжоу, пойманный на месте, пробормотал:

- Не привередничай, - и уткнулся в тарелку.

Гу Цзицин усмехнулся. Так же грустила Чжоу Сяююэ, когда её не пускали в постель. Видимо, все крупные псы страдают от невозможности прилипнуть к хозяину.

Вечером в Анайе, среди зимней романтики, Чжоу вёл весёлую Чжоу Сяююэ, но так и не осмелился взять Гу за руку. К ночи его обида достигла предела.

- Гугу, посмотрим ужасы? - предложил Ся Цяо.

Чжоу оживился:

- Да!

Гу Цзицин удивился. Чжоу, избегая взгляда, пробормотал:

- Ты же любишь ужастики... Я запомнил.

Гу Цзицин посмотрел ему в глаза и тихо произнёс:

- Чжоу Цыбай, ты правда замечательный.

Чжоу, чьи мысли крутились вокруг предстоящего просмотра ужасов в темноте, потупил взгляд:

- Да... Я тоже так думаю.

Лу Пин и компания, типичные беспечные студенты, за полдня успели забыть утренний скандал. Вечером, заручившись разрешением хозяйки, они захватили домашний кинотеатр.

Лу Пин закрыл дверь, Ван Цюань включил проектор, Ся Цяо выбрал старый тайский ужастик и нырнул под одеяло к Шэнь Чжао. В комнате было три пледа. Ся Цяо с Шэнь Чжао заняли один, а Лу Пин и Ван Цюань, трусливо вжавшись в другой, дрожали от страха.

Чжоу Цыбай «случайно» накрыл Гу Цзицина своей половиной пледа. Они сидели в углу татами, плечом к плечу. Сердце Чжоу бешено стучало.

Гу Цзицин, привыкший к его близости, потянул плед сильнее, сблизив их ещё больше. Ладони Чжоу вспотели. Он вспомнил слова брата: «Первый поцелуй – это когда она пугается и бросается тебе в объятия. Это называется эффектом подвешенного моста».

Тихо подвинув руку под пледом, он попытался коснуться пальцев Гу.

- Ты боишься? – вдруг спросил Гу Цзицин, повернув голову.

Пальцы Чжоу замерли в миллиметре от его руки:

- Нет...

Громкий визг из динамиков прервал его. На экране возникло искажённое детское лицо с чёрными глазами. Чжоу вскрикнул, рефлекторно схватив руку Гу.

- Я не испугался! – выпалил он, краснея.

Но Гу Цзицин мягко переплел их пальцы под пледом:

- Мне страшно. Дай подержаться?

Его шёпот растворился в криках остальных. Чжоу застыл, глядя на профиль Гу в мерцающем свете экрана. Сердце рвалось из груди.

Эффект подвешенного моста сработал. Только теперь мост вёл к нему самому.

Когда Ся Цяо и Лу Пин в панике бросились к Гу за утешением, Чжоу едва успел разжать руку.

- Я... не выспался. Пойду спать, – пробормотал он, сбежав в комнату.

Гу Цзицин, наблюдая за его бегством, через двадцать минут последовал за ним.

В телефоне Гу написал: [Ты расстроен?]

Чжоу, только что вышедший из душа, ответил: [Нет.]

[Тогда испугался?]

Мужчина не может бояться! Чжоу начал оправдываться, но Гу прервал: [Если страшно – приходи ко мне.]

Три секунды спустя Гу получил: [Боюсь.]

Стук в дверь. Чжоу стоял на пороге с полотенцем на шее:

- После ужасов я начинаю всё представлять... Поэтому... Можно остаться?

Он шагнул вперёд, закрыв дверь. Хоть и стыдно, но лучше так, чем в одиночестве.

- Ты чем-то недоволен? - спросил Гу.

Чжоу собрался пожаловаться, но за дверью раздалось:

- Гугу! Мы заказали шашлык! На твой балкон!

Чжоу: «...»

Все номера на третьем этаже были их, но Лу Пин имел право зайти. Спрятаться? Тогда точно подумают, что они воруются!

Гу толкнул его в ванную:

- Подожди, пока я их не выпровожу.

Лу Пин ввалился с пакетами:

- Чжоу спит, его порцию отдаём тебе!

Ся Цяо, осмотрев комнату, увёл всех на балкон. Ван Цюань поднял полотенце Чжоу:

- Это чьё?

- Моё. Сейчас приму душ, - невозмутимо ответил Гу.

Оставшись один, он раздвинул занавеску душа:

- Подожди тут.

Чжоу, сидя на крышке унитаза, услышал шум воды. Сквозь полупрозрачную занавеску виднелся силуэт: изгибы плеч, узкая талия, длинные ноги...

Он стиснул руки, пытаясь не смотреть.

- Поможешь найти белый флакон? - Гу высунул руку из-за занавески.

Чжоу, как робот, начал рыться в косметичке. Мысли путались, кровь стучала в висках.

«Пустота есть пустота...» - твердил он про себя, но картинки в голове не исчезали.

Когда Чжоу наконец нашёл флакон с надписью «Улучшающий кровообращение и рассасывающий синяки», он замер:

- Это лекарство...

- Синяк на пояснице. Сама пройдёт, - Гу Цзицин ответил небрежно.

Чжоу вспомнил вчерашнюю «работу» и покраснел до ушей:

- Тебе удобно самому мазать? Помочь?

Синяк действительно был в труднодоступном месте. Гу Цзицин пожал плечами:

- Да, на пояснице. Помоги.

Он отодвинул занавеску, повернувшись спиной.

Чжоу осознал, что сам загнал себя в ловушку. Бледная кожа с багровыми отметинами контрастировала с паром и брызгами воды. Душная кабина, горячие струи – всё будто нарочно подстёгивало воображение.

Стиснув зубы, он начал втирать мазь, стараясь не смотреть. Но от нервов нажал слишком сильно.

- А-а... - Гу вздрогнул, обернувшись.

Тишину нарушал лишь шум воды и приглушённый смех с балкона. Чжоу застыл с тубиком в руке, спина прямая, лицо пунцовое, словно провинившийся школьник.

Гу Цзицин молча оценил его состояние. Пусть он и уступал девятнадцатилетнему Чжоу в выносливости, но сегодняшние «лишения» явно дались тому тяжело.

- Поясница ещё болит, - тихо сказал он. - Но, может, попробуем другой способ?

<http://bllate.org/book/14413/1274364>